

УДК 726.012

**ГАЛЕРЕЯ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ
ЕВФРОСИНЬЕВА МОНАСТЫРЯ В ПОЛОЦКЕ
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

канд ист наук Е.Н. ТОРШИН

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

д-р ист наук, проф. Д.В. ДУК

Полоцкий государственный университет

О.М. ИОАННИСЯН, П.Л. ЗЫКОВ

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

А.Л. КОЦ

Полоцкий государственный университет

Кулешова

Спасская церковь в Полоцке хорошо известна исследователям средневековой архитектуры. Небольшой храм, расположенный в древнем загородном монастыре, был основан Св. Евфросиньей и построен по распоряжению преподобной. За много веков своей истории Спасская церковь подвергалась ремонтам, исказившим ее изначальный вид. Хотя исследователи церкви Спаса отмечали особое значение этого памятника для истории всей древнерусской архитектуры, изучение самого храма велось с большими перерывами. Архитектурно-археологические исследования церкви Спаса в Полоцке, данные которых приведены в статье, проходили в мае и сентябре 2015 г.

***Ключевые слова:** Полоцк, Спасо-Преображенская церковь, Евфросиньева монастырь, галерея, архитектурно-археологические исследования.*

Спасская церковь в Полоцке хорошо известна исследователям средневековой архитектуры. Небольшой храм, расположенный в древнем загородном монастыре, был основан Св. Евфросиньей и построен по распоряжению преподобной.

История создания церкви подробно описана в житии Св. Евфросиньи, но прямых указаний на точную дату возведения храма нет совсем [10, с. 206–220]. Среди исследователей преобладает мнение о связи строительства церкви с созданием мастером Лазарем Богшей вкладного креста, изготовленного по заказу Евфросиньи в 1161 г. В частности, эту дату окончания строительства церкви предлагали Л.В. Алексеев и В.Д. Сарабьянов [1, с. 88; 15, с. 16]. Существует и другое мнение. В.А. Булкин датировал памятник более ранним временем – 1120-ми годами, исходя из предполагаемой исследователем более ранней датировки всего полоцкого зодчества [2, с. 100].

За много веков своей истории Спасская церковь подвергалась ремонтам, исказившим ее изначальный вид. Древние своды были закрыты двускатной кровлей на деревянных стропилах, заложены аркосоллии и ниши на фасадах. Но поздние строительные вмешательства не разрушали древнюю кладку, а скрывали ее или восполняли утраты. Поэтому существующий в настоящее время объем храма почти целиком относится к XII в. Уцелели все первоначальные несущие конструкции, своды и купол, что делает Спасскую церковь одной из наиболее полно сохранившихся построек на территории Древней Руси.

Главной особенностью церкви Спаса является ее объемно-пространственная композиция. Удлиненные пропорции центральной части и примыкающие к ней пониженные объемы нартекса и апсиды, высокий узкий барабан купола создают вертикальную устремленность архитектурных масс здания. Этот эффект усиливают декоративные детали, к которым в первую очередь относятся кокошники трехлопастного очертания – стенки, закрывающие основание барабана купола. Их форма повторяется в карнизах позакомарных завершений фасадов храма.

В настоящее время завершение церкви закрыто двускатной кровлей и поддерживающими ее стенами XVIII в.

Открытие архитектурной композиции верхней части церкви Спаса произошло только в 20-е годы XX в. Исследователи – Н.И. Брунов и И.М. Хозеров – сразу обратили внимание на форму кокошников у барабана. Н.И. Брунов отнес церковь Спаса к памятникам особого западнорусского архитектурного стиля [4, с. 3]. По мнению исследователя, в этих постройках начинается разрыв древнерусской архитектуры с византийским наследием [3, с. 269]. Гипотеза получила дальнейшее развитие. Н.Н. Воронин утверждал, что черты Спасского храма свойственны широкому кругу построек XII в., что является свидетельством поиска мастерами собственной архитектурной стилистики [6, с. 338; 7, с. 288]. По мнению П.А. Раппопорта, церковь Спаса – важное звено в развитии особого архитектурного направления, зародившегося в Киеве в начале XI в. и проявившегося во всех строительных центрах Древней Руси в конце XII – начале XIII вв. [13, с. 12–29; 14, с. 46].

Хотя исследователи церкви Спаса отмечали особое значение этого памятника для истории всей древнерусской архитектуры, изучение самого храма велось с большими перерывами.

После работ Н.И. Брунова и И.М. Хозерова следующие исследования церкви Спаса были проведены только в 1946–1947 гг. архитектором Е.А. Ащепковым. Они включали, кроме обмеров здания, графи-

ческую фиксацию открывшихся при частичном снятии или осыпании поздней штукатурки фрагментов фасадов. Для изучения фундамента были заложены археологические шурфы. К сожалению, результаты этих работ не были опубликованы автором. Многие чертежи Е.А. Ащепкова использовались и публиковались другими авторами, но полностью все материалы оставались недоступны [5, с. 14; 21, 38].

Между тем, опубликованные обмеры только приблизительно отражали реальные формы памятника. Даже графические реконструкции церкви, выполненные авторами натуральных исследований, существенно различались между собой. Это мешало целостному представлению о памятнике. Постепенно изменился и подход к изучению древнерусского зодчества, возникли новые требования к составу исследований. Лакуны в знаниях о Спасской церкви были очевидны.

Важным этапом в изучении церкви Спаса стали работы, состоявшиеся под руководством П.А. Раппопорта и Г.М. Штендера в 1976 г. [14, с. 459–468]. Архитектурно-археологические обмеры 1976 г. затронули только верхние части памятника. Однако они позволили более детально и точно зафиксировать формы архитектурных элементов здания, определивших стилистическое своеобразие данной постройки. Очень важно, что эти чертежи, на которых давалась подробная прорисовка кладки, отражали ее реальное состояние, а не представляли сразу реконструкцию архитектурных форм. Именно поэтому графические материалы исследований 1976 г. остаются востребованными и в настоящее время.

Все обмеры проводились с особым вниманием к деталям. Благодаря тщательному изучению поверхности обмазки барабана были найдены линии разметки диагональных, т.е. ориентированных на углы храма, кокошников в основании барабана. На верхних частях сводов были замечены надкладки из плинфы, которые были интерпретированы как остатки килевидного завершения, существовавшего над всеми закомарами и кокошниками (рис. 1, а).

Было продолжено и археологическое изучение подземных конструкций здания, что позволило получить новые данные о строительно-технических особенностях церкви.

Публикация результатов исследований П.А. Раппопорта и Г.М. Штендера 1976 г., как считалось, подвела итоги изучению архитектуры здания.

В 2005 г. культурный слой подцерковьев храма изучался Д.В. Дуком, которым было установлено позднее (вторая половина XVIII в.) возведение крипт, а также наличие в некоторых из них переотложенных погребений [8].

Однако церковь Спаса известна не только как уникальный памятник архитектуры. В интерьере и частично на фасаде храма сохранилась фресковая роспись, которая, по оценкам специалистов, превосходит по полноте и сохранности все известные ансамбли фресковой живописи Руси XII в.

Постоянные работы по реставрации фресок церкви Спаса начались в 1990-х годах и особенно активно ведутся с 2006 г. [15, с. 26]. Они послужили поводом для новых исследований архитектуры храма. Подробные архитектурные обмеры, включающие разрезы по разным осям с видами на стены здания, потребовались для графической фиксации расположения живописи. Эта работа была проделана художником-реставратором В.В. Ракицким, который сделал обмеры не только интерьера, но и всего объема церкви [11, с. 36–47; 15, с. 14–17, 22–23]. Эти чертежи, многие из которых до сих пор остаются неопубликованными, на сегодня являются наиболее точным отражением архитектурных форм древнего памятника.

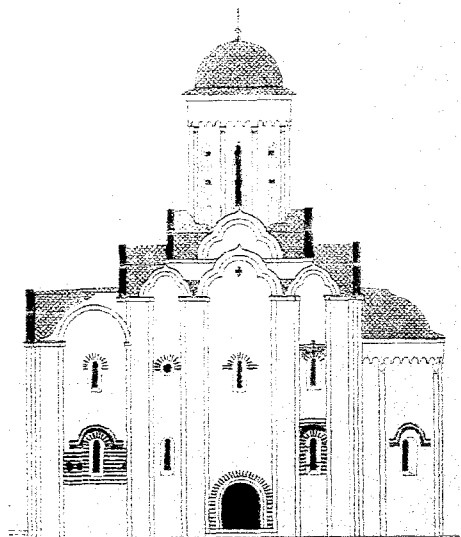

Рис. 1. Церковь Спаса Евфросиньева монастыря:
а – реконструкция П.А. Раппопорта; б – реконструкция В.В. Ракицкого

В процессе реставрационных расчисток живописи производилось частичное освобождение стен храма от более поздних закладок. В интерьере были выявлены аркосолии, на чердаке храма произведены расчистки позакомарных завершений западного фасада основного объема церкви. На основании этих открытий и новых обмеров еще в самом начале этих работ В.В. Ракицкий предложил свой вариант реконструкции церкви Спаса [15, с. 22–23] (см. рис. 1, б). В ней он учитывал и изображение храма на ктиторской фреске в келье Евфросиньи на хорах. Поэтому в новой реконструкции все закомары и кокошники завершения церкви получили трехлопастную форму, как они и были изображены на фреске. К сожалению, автору не удалось избежать ошибок. Так, несмотря на очевидность расположения в северной и южной стенах больших аркосолиев, на фасадах были изображены порталы. Отсутствуют на реконструкции и диагональные кокошники, открытые ранее Г.М. Штендером.

Особое внимание архитектуре Спасской церкви было уделено в работах В.Д. Сарабьянова – руководителя реставрации древних фресок храма. В книге и статьях, посвященных памятнику, исследователь предлагает обобщение результатов многолетних исследований храма, учитывая и новые открытия неизвестных деталей постройки. В этих работах представлен также взгляд исследователя на проблему происхождения архитектурных форм здания. Своеобразие архитектуры церкви Спаса В.Д. Сарабьянов объясняет изначальным предназначением храма служить усыпальницей и реликварием. Сложную композицию церкви с использованием трехлопастной формы кокошников он сравнивает с формами средневековых реликвариев в виде моделей храма [15, с. 12; 16, с. 48–64].

Реставрация древней живописи, продолжающаяся по настоящее время, не только внесла важные коррективы в наши представления о постройке. Необходимость сохранения древней росписи и организации экспозиции требовала проведения реставрации самого здания, которая ранее никогда не проводилась. Методика научной реставрации архитектурных объектов, как известно, предусматривает проведение комплекса исследовательских работ, включающих и проведение археологических раскопок.

Архитектурно-археологические исследования церкви Спаса в Полоцке проходили в мае и сентябре 2015 г. Раскопки проводились по заданию разработчика проекта реставрации ООО «Белреставрация». Первоначально предусматривалось устройство пяти шурфов у стен здания, затем работы были перенесены в интерьер храма, где было заложено еще три шурфа. Предполагалось, что они позволят получить необходимые для реставрации данные о фундаментах как древних, так и более поздних частей постройки. Места расположения археологических шурфов определялись заказчиком этих работ (рис. 2).

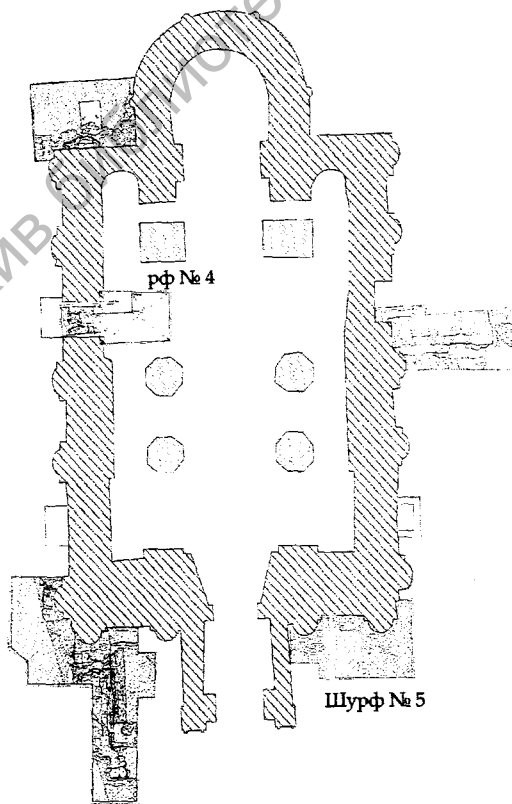

Рис. 2. Церковь Спаса Евфросиньева монастыря.
Сводный план шурфов вне церкви

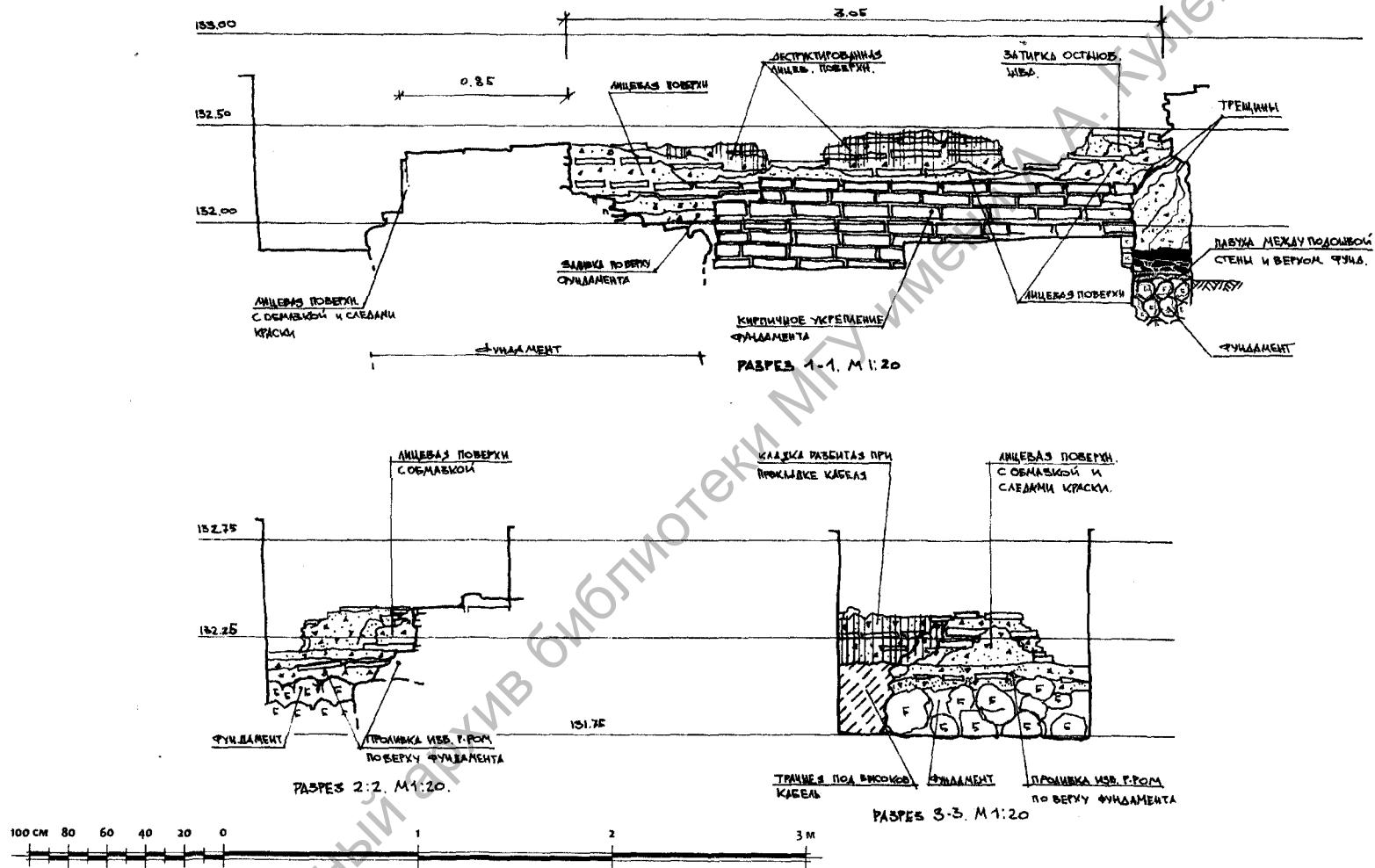

Рис. 3. Церковь Спаса Евфросиньева монастыря. Шурф 1 (у северо-западного угла храма), план

В связи с большим масштабом проведенных исследований в данной статье мы коснемся только некоторых итогов архитектурно-археологических раскопок, изменивших наши представления об общей архитектурной композиции древнего здания.

В шурфе 1 у северо-западного угла храма предполагалось вскрытие фундамента портика, пристроенного к западному фасаду в процессе реконструкции церкви в XVIII в. Шурф располагался непосредственно на углу здания, так что в нем можно было вскрыть как участок западного, так и северного фасадов. Здесь реставраторами не ставилась задача изучения фундаментов до подошвы, что могло представлять угрозу для состояния памятника (см. рис. 3).

После снятия верхних слоев современной отмостки у стен храма, было установлено, что пилястры с полуколоннами на западном и северном фасадах, как и нижняя часть угла здания, появились при поздних перестройках.

Полуколонна на западном фасаде в нижней части сложена из брускового кирпича размером 30x(14–15)x(6–6,5 см и является остатками портика XVIII в. Кирпич в полуколонне подгесан. Очевидно, прямоугольному основанию портика в XIX в. была придана полукруглая форма, соответствующая сечению полуколонн на фасадах храма (рис. 4).

Рис. 4. Шурф 1 (у северо-западного угла храма).
Примыкание западной части галереи к основному объему храма

Нижние части северо-западного угла храма вместе с западной пилястрой с полуколонной северного фасада подвергались ремонту в начале XX в. Этот участок переложен из брускового кирпича на растворе с цементом.

Западная пилястра северного фасада опиралась на плотный слой строительного мусора, образовавшийся, очевидно, при разборке отмостки XVIII в. во время ремонтов XIX – начала XX вв. Он содержал обломки кирпичей XVIII в. и крупные фрагменты раствора. Однако под этим слоем, ниже основания полуколонны, переложеной в XX в., остатков более ранней кладки найдено не было. Таким образом, существующая в настоящее время западная пилястра северной стены не соответствует расположению древних членений фасада (рис. 5).

В общей массе культурный слой в шурфе 1 состоит из поздних наслоений и имеет следы поздних перекопов. В общей картине нельзя выделить стратиграфические горизонты. Шурф заполнен преимущественно темно-коричневым суглинком с массой вкраплений белой извести и битой глины и плинфы. По всей площади шурфа прослеживались небольшие линзы красной глины. В западной части шурфа в верхнем слое обнаружена мусорная яма середины XX в., в которой обнаружены железные изделия, в основном, детали конструкции церкви, много графита и иное. Яма была заполнена на глубину около 0,3 м черным угольным слоем земли. В заполнении западной пристройки присутствует слой темно-коричневого суглинка с вкраплениями извести и кирпича. Нижние пласты плавно сменяются глинистыми слоями темно-коричневого цвета с битым кирпичом, вкраплениями извести и линзой песка (40x20 см).

Рис. 5. Шурф 1 (у северо-западного угла храма).
Кладка из плинфы в основании западного фасада (укрепление стены нартекса)

Но самая неожиданная находка была сделана на участке шурфа у западного фасада. Археологические исследования показали, что снованием северной угловой полуколонны современного западного фасада служит кладка из плинфы на цемяночном растворе. Она представляла собой участок стены ориентированной перпендикулярно существующему западному фасаду церкви. Стена примыкала к кладке нартекса храма без перевязки, но таким образом, что ее лицевая поверхность находилась в одной плоскости с древним северным фасадом. Вертикальный шов между ними читался на северном фасаде, на расстоянии 0,30 м от западной плоскости современного северо-западного угла храма. Расположение этой стены указывало также на положение древнего западного фасада церкви, который в настоящее время закрыт кладками XVIII и XIX вв. Обнаруженная стена, несомненно, относилась к пристройке к храму, возведенной еще в эпоху применения в строительстве плинфы и цемяночного раствора, вероятно, в XIII в., сразу после завершения основного объема здания.

Открытие участка древней пристройки к церкви Спаса скорректировало цели исследования. Теперь главной задачей археологических раскопок стало изучение обнаруженного сооружения.

Для решения этих задач площадь шурфа у северо-западного угла церкви была увеличена. К сожалению, вскрыть полностью остатки древних конструкций мешал высоковольтный кабель, проложенный у стен храма. Но несмотря на условия раскопок в шурфе удалось определить габариты западной пристройки к храму (рис. 6).

Оказалось, что стена, перпендикулярная западному фасаду, имеет протяженность 3,70 м от места примыкания к древним кладкам основного объема церкви. На этом расстоянии она соединялась с западной стеной пристройки, прослеженной только на небольшом участке протяженностью около 1 м. Кладки обеих стен были перевязаны между собой. Западная стена была ориентирована параллельно западному фасаду основного объема. Таким образом, длина обнаруженной пристройки к храму по оси запад-восток с учетом толщины ее западной стены составила 4,60 м.

Назначение пристройки, расположенной к западу от нартекса здания, в начале исследования было совсем ясно. Предполагалась, что это мог быть экзонартекс храма. Однако сразу было высказано предположение, что найденное помещение могло быть частью крытой галереи, охватывающей центральный объем храма с трех сторон. Известны многочисленные примеры храмов с такими пристройками, примыкающими к трем фасадам.

В XII в. храмы с поясом галерей в Древней Руси получили распространение, кроме Киева, где они строились, начиная с X–XI вв., в Смоленске и Чернигове¹. Но наиболее близким по времени и террито-

¹ К таким храмам относятся древнейшие постройки Руси – церковь Богородицы (Десятинная) и Софийский собор в Киеве. Кроме того, галереи существовали у древнерусских храмов XII в. – Борисоглебского собора в Чернигове, церкви Петра и Павла и Иоанна Богослова в Смоленске, церкви Покрова на Нерли около Боголобова и Дмитриевского собора во Владимире. Перечисление храмов с галереями можно продолжить. Традиция строительства галерей имеет широкое распространение и просуществовала долго.

риально к Спасской церкви можно считать полоцкий храм-усыпальницу Евфросиньева монастыря. Он находился неподалеку к востоку от Спасского храма и был обнаружен в ходе археологических раскопок в 1961–1964 гг. и доследован в 1976 г. [12, с. 150–155]. Этот памятник представлял собой четырехстопную церковь, окруженную с трех сторон галереями, в которых были открыты многочисленные погребения (что и обусловило принятое в научной литературе наименование храма).

Рис. 6. Шурф 1 (у северо-западного угла храма).
Общий вид. Стены западной части галереи Спасского храма

Стены западной части галерей были сложены из плинфы размером $(27,5-29,5) \times (21,5-24,5) \times (3-4,5)$ см на известково-цемяночном растворе. Толщина кладки западной стены – 0,9 м, северной – 1,12 м. Поверхности стен сложены из целых плинф в технике «со скрытым рядом», характерной для всех памятников Полоцка древнерусского времени. Внутренняя часть стен сложена из целых плинф или крупных фрагментов с соблюдением горизонтальных рядов, советующих рядам кладки лицевых поверхностей. В забутовке стен иногда были использованы и булыжники. Они располагались у места примыкания северной стены западной галереи к основному объему.

Раствор в кладке стен западной галерей – светло-желтого цвета, с большим содержанием крупной фракции цемянки. Растворные швы немного тоньше плинфы. На поверхностных сторонах стен швы подрезаны со скосом под верхнюю плинфу. Скрытый ряд тщательно затерт слоем раствора и подрезан по краям (сверху и снизу). Плинфяные стены, вскрытые в шурфе 1, сохранились на высоту до восьми рядов кладки. Нижний ряд плинфы был шире остальных и выступал в интерьер галереи на 10–15 см.

На западном фасаде западной части галерей и на северной грани северной стены сохранились фрагменты обмазки, представлявшей собой тонкий слой светло-желтого известково-цемяночного раствора, поверхность которого была окрашена желтой охрой. Такая же обмазка была обнаружена ранее в зондажах на южном фасаде церкви.

Фундамент западной галерей состоял из мелких и средних булыжников, уложенных насухо. Он закладывался в ров, ширина которого намного превышала толщину стен. Так, фундамент западной стены выступал в интерьер на 0,58 м, а снаружи галереи – на 0,24 м при толщине стены 0,9 м. Необходимость фундамента такой ширины под этой кладкой пока остается неясной. Возможно, фундаментный выступ

использовался для размещения лопаток на внутренней или внешней стороне стены, но в границах шурфа такие детали выявлены не были. Выступ фундамента северной стены с северной стороны кладки составлял 0,30 м.

Сверху фундаменты были пролиты цемяночным раствором, образующим слой подготовки под плинфяную кладку стены. У северной стены сохранился еще один слой раствора, примыкавший к ее северной стороне на уровне 2–3 ряда кладки (на 9–10 см выше фундамента). Между этими слоями залегал коричневый суглинок с песком. Подобная система слоев могла служить отмосткой или подготовкой пола. Она была обнаружена и в других шурфах как в интерьере, так и у фасадов церкви Спаса. Устройство полов и наружной отмостки выше уровня дневной поверхности начала строительства и, как следствие, скрывавших нижние части стен, – прием, часто встречающийся в памятниках древнерусской архитектуры. Так, например, он отмечен в храмах XII в. Киева, Чернигова, Смоленска, Владимиро-Суздальской Руси.

Первоначальный пол XII в. в западной галерее не сохранился. Он был уничтожен, когда к внутренней поверхности древнего булыжного фундамента северной стены для его укрепления была приложена кладка из брускового кирпича. Она имела треугольное, расширяющееся к основанию сечение. Размер кирпича (25–27,5)х(?)х(6,5–7) указывает, что эта конструкция относится к XVII в. Она возводилась в котловане, выкопанном внутри западной пристройки к храму и заполненным затем слоем переотложенного гумусированного суглинка со строительным мусором. Укрепление фундамента производилось, как можно предполагать, незадолго до разрушения западной пристройки, ведь уже в XVIII в. на ее месте находился портик. Вскрыть полностью кладку из брускового кирпича, как и исследовать до подошвы древние фундаменты храма не удалось, т.к. углубление шурфа 1 на всей площади могло угрожать состоянию древнего храма.

Но в то же время в этом шурфе 1 оказалось возможным рассчитать уровень расположения древнего пола. Современный западный фасад церкви, как мы уже отмечали, представляет собой портик XVIII в., перестроенный в 1833 г. В основании кладки XVIII в. современного северного прясла фасада были открыты остатки еще одной стены XII в. (см. рис. 4). Она залегала под поздней кладкой лицевой поверхности прясла и в северной части примыкала без перевязки к северной стене западной галереи XII в. Край этой стены выступал от современного фасада на 0,55 м к западу. Если принять во внимание, что толщина облицовки западного фасада составляет, как это можно видеть на вскрытых участках древнего северного фасада, около 0,30 м, данная стена могла иметь толщину не больше 0,85 м, что близко к размерам стен галереи. В этом случае она вплотную примыкала к стене нартекса храма, внутри которой находится лестница, ведущая на хоры. Вероятно, эта конструкция была предназначена для ее укрепления. Подобное утолщение стены с лестницей мы можем видеть и в другом памятнике XII в. – церкви-усыпальнице Евфросиньева монастыря (рис. 7).

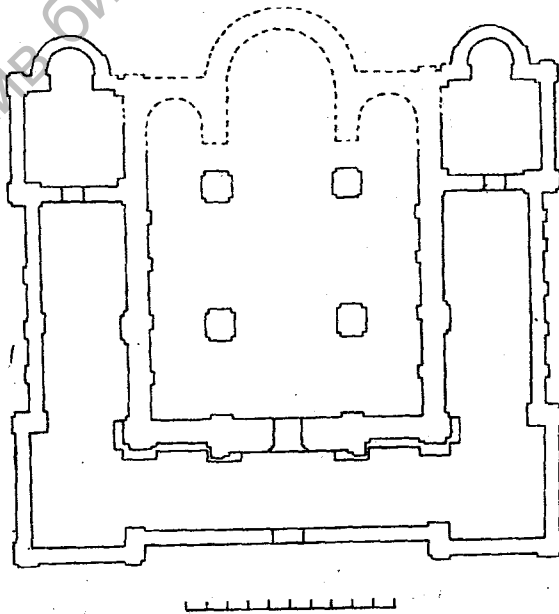

Рис. 7. Церковь-усыпальница Евфросиньева монастыря. Реконструкция плана (по П.А. Рапопорту)

Как и другие древние конструкции храма, прикладка к западной стене основного объема храма была выполнена из плинфы на известково-цемяночном растворе в технике «со скрытым рядом». Фундамент этой кладки состоял из мелкого булыжника и имел мощность всего 0,4 м, но его обрез находился на 0,32 м выше подошвы северной стены западной галереи. Такое расположение верхней отметки фундамента свидетельствует, что укрепление стены с внутренней лестницей было произведено позднее строительства галереи. Закладка данного фундамента должна была начинаться с уровня пола помещения.

Остатки стен западной галереи церкви Спаса были обнаружены также в шурфе 5, расположенном у южной стороны современного фасада. По оси южной стены основного объема храма был вскрыт участок южной стены пристройки (рис. 8, 9).

В границах шурфа эта стена имела ширину более 1 м. К сожалению, ее южная лицевая поверхность была сильно повреждена погребениями. Тут было выявлено два фрагментированных погребения: П. 1 состояло из фрагментов костей и нескольких небольших фрагментов ребер. П. 2 располагалось севернее П. 1 и также сохранилось в виде черепа и нескольких фрагментов костей. В данных погребениях анатомический порядок не зафиксирован, очевидно, что они переотложены. Северная поверхность стены в шурфе сохранилась лучше. На ней можно видеть, что кладка выполнена в той же технике, что и остальные части церкви Спаса, – плинфа уложена «со скрытым рядом» на известково-цемяночном растворе. Ряд плинфы в уровне подошвы стены выступает от линии ее северной поверхности на 0,04 м. Ниже залегает фундамент, в верхней части которого, на боковой поверхности кладки сохранился отпечаток в растворе деревянной плахи – след от опалубки. Это единственный выявленный в шурфе 5 участок кладки фундамента на растворе. Вероятно, он находился выше дневной поверхности начала строительства, и для его сооружения потребовалась опалубка. Другие части фундамента сложены из булыжника насухо.

Несмотря на значительное разрушение южной стены удалось найти место примыкания ее к западному фасаду XII в. Оно находится на расстоянии 0,4 м от современного угла храма.

Рис. 8. Шурф 5 у южного прясла западного фасада церкви Спаса.

Южная стена западной части галереи (на переднем плане).

Блок упавшей кладки конструкции перекрытия галереи XII века (на заднем плане)

По оси пилястры с полуколонной, расположенной к югу от западного входа в храм, были обнаружены остатки еще одной стены, перпендикулярной фасаду. В верхней части она была сложена из плинфы на известковом растворе почти белого цвета с небольшим содержанием цемьянки. Однако ниже, под слоем заливки из белого раствора без цемьянки, располагались блоки кладки разрушенной древней конструкции. Они состояли из плинф, скрепленных раствором с большим содержанием цемьянки, т.е. были сложены в строительной технике, соответствующей другим частям храма XII в. Блоки залегали так, что ряды плинф в них были ориентированы почти вертикально.

Обрушившаяся конструкция XII в. могла быть лопаткой, примыкавшей к западной стене основного объема храма и служившей опорой для перекрытия западной пристройки. Разрушение этой части галереи могло произойти уже во время строительства, но, вероятнее, оно случилось позднее, чем можно объяснить различие в растворах в блоках упавшей конструкции и перекрывших их рядах кладки. Однако западная пристройка, очевидно, была быстро восстановлена, а упавшая кладка использована как основание промежуточной стены в галерее, служащей опорой для восстановленных перекрытий. Возможно также, что разрушение части западной галереи и повлекло за собой укрепление стены с лестницей, которую мы наблюдали в шурфе 1.

Западная стена основного объема храма XII в. в шурфе 5 не вскрывалась, т.к. для этого пришлось бы вывесить кладку облицовки современного западного фасада, что могло привести к его разрушению. В основании фасада прослежены 3–4 ряда брускового кирпича XVIII в., подобно отмостке выступающие к западу от плоскости стены. Под этими рядами прослежен слой переотложенного гумуса со строительным мусором, под которым в уровне подошвы стен галереи находился еще один небольшой блок упавшей стены из плинфы. Такое состояние основания облицовки современного западного фасада не позволило продолжить археологические исследования на данном участке, и шурф 5 был доведен только до отметки подошвы фундаментов XII в.

На уровне отметки подошвы фундаментов XII в. в центре шурфа было выявлено погребение (П. 3) XIX в. Погребение совершено в гробу, сделанном из досок. Гроб был установлен на своего рода постамент, который представляет собой вымостку из кирпича на дне могилы. Снаружи гроб был накрыт (или оббит) материей, в основе которой лежали металлические, вероятно из латуни, нити. Могильная яма ориентирована по сторонам света – запад-восток. Погребение выявлено частично и поэтому осталось неразобраным. Аналогичные погребения были выявлены в шурфе 2.

В общей массе культурный слой шурфа 5 является переотложенным. В общей картине нельзя выделить стратиграфические горизонты, которые сформировались в шурфе. Культурный слой представляет собой темно-коричневый суглинок с массой вкрапленных белой извести и битой глины и плинфы. Около западной стенки шурфа в верхнем слое обнаружена мусорная яма середины XX в. Яма была выкопана на глубину около 0,3 м и заполнена черным слоем земли. Следы другой ямы позднего происхождения фиксируются в стратиграфии южной стенки шурфа. Яма заполнена темно-коричневой землей, с массой извести и битого кирпича. Вероятнее всего она была образована у XIX–XX вв.

Открытие остатков западной галереи Спасской церкви, позволило предполагать наличие таких пристроек и у других фасадов здания.

При увеличении шурфа 1 в северном направлении был раскрыт фрагмент стены, примыкавшей перпендикулярно к северному фасаду. Западная грань этой стены находилась на расстоянии 1,12 м от угла основного объема (места примыкания западной галереи). Стена была сложена из плинфы в технике кладки «со скрытым рядом», но на поверхности не сохранилась растворная затирка рядов. В границах шурфа была вскрыта только южная поверхность кладки. К северу от фасада храма, на расстоянии 0,42 м эта стена была уничтожена траншей под электрокабель (рис. 10).

Совершенно очевидно, что данный фрагмент кладки принадлежал конструкциям северной галереи Спасской церкви. Важно отметить, что участок стены галереи примыкал к плоскости фасада в том месте, где изначально не было лопатки с полуколонной. Возможно, что такая деталь отсутствовала на углах древнего храма.

Поиск южной галереи был предпринят в шурфе 3, располагавшемся у центрального прясла южного фасада церкви перед одним из современных входов в храм. Следует отметить, однако, что первоначальная цель закладки этого шурфа состояла в проверке возможности существования здесь древнего портала.

Центральное прясло южного фасада храма подвергалось неоднократным ремонтам. Самый масштабный из них был совершен в XVIII в. Тогда на фасаде была заложена высокая уступчатая ниша, занимавшая всю ширину прясла, а в интерьере храма – аркосолий. Переложены были также основания лопаток с полуколоннами XII в. Выгинка была произведена брусковым кирпичом на белом известково-песчаном растворе. Посредине прясла в то же время был сделан невысокий проем прямоугольной формы с прямыми откосами. Наличие аркосолия в интерьере храма полностью исключает возможность расположения в данном месте древнего портала.

Рис. 10. Шурф 1 у северо-западного угла храма. Участок стены северной галереи (слева). На переднем плане – фрагмент пола в угловом помещении, соединяющем северную и западную части галереи XII в.

В шурфе 3 у южного фасада храма на глубине 0,8 м от порога современного южного входа в храм (отм. 132.18 по Балтийской системе высот) залегала заливка из известкового раствора с цемянкой (рис. 11, 12). На южном фасаде уже в откосе дверного проема удалось проследить, как эта заливка при-мыкает к верхнему ряду сохранившегося фрагмента стены XII в. обнаруженного под порогом существующего в настоящее время проема. Данная растворная заливка относится к XII в. Под ней был прослежен мощный коричневый слой смеси суглинка и песка, подобный тому, что мы встречали у северной грани северной стены западной галереи в шурфе 1. Такие же слои были замечены и в шурфах в интерьере храма, где они являлись частью конструкции древнего пола. Обнаружение подобных прослоек у южного фасада сразу указало на то, что шурф оказался в пространстве помещения южной пристройки.

При продолжении работ было установлено, что слой смеси суглинка и песка закрывает кладку кирпичного саркофага. Подобные же кирпичные гробницы были обнаружены при раскопках галерей храма-усыпальницы Евфросиньева монастыря.

Культурный слой представлен преимущественно темно-коричневым суглинком с массой вкрапленных белой извести и битой глины и плинфы. В заполнении шурфа встречались битый кирпич и плинфа крупных размеров. По всей площади прослеживались линзы красной глины, разные по мощности и площади. В юго-западном углу шурфа на глубине 0,3–0,4 м от дневной поверхности фиксируется скопление камней (размером до 0,3 см в поперечнике).

В общей картине нельзя выделить стратиграфические горизонты. Только на глубине 0,8–1 м в западной части шурфа и 0,5–0,6 м в южной части шурфа от дневной поверхности по всей площади (кроме погребальных саркофагов) зафиксирована прослойка однородного черного слоя. Он образовался в ходе активной строительной деятельности иезуитов в конце XVII–XVIII вв. В черной прослойке под поперечной стеной храма выявлен большой фрагмент изразца с монограммой Ордена Иисуса Христа. Данный артефакт можно датировать началом XVIII в. В юго-западном углу шурфа в нижней части черной прослойки найдена монета (шелег Яна Казимира Вазы, датируется 1665 г.). Данные датировки определяют дату образования прослойки. Таким образом, на основании стратиграфических данных можно предположить, что к середине XVII в. южная галерея храма была уже разрушена. В 1656 г. произошло переосвящение храма в честь Преображения. Можно предположить к данному событию храм был обустроен и частично перестроен, тем самым южная галерея была снесена.

После расширения площади шурфа было замечено, что в основании полуколонны, расположенной к западу от современного южного входа в храм, находится прямоугольная кладка из плинфы на известково-цемяночном растворе. После зачистки данной кладки оказалось, что она продолжается в южном направлении и представляет собой остаток стены, ориентированной перпендикулярно к южному фасаду церкви.

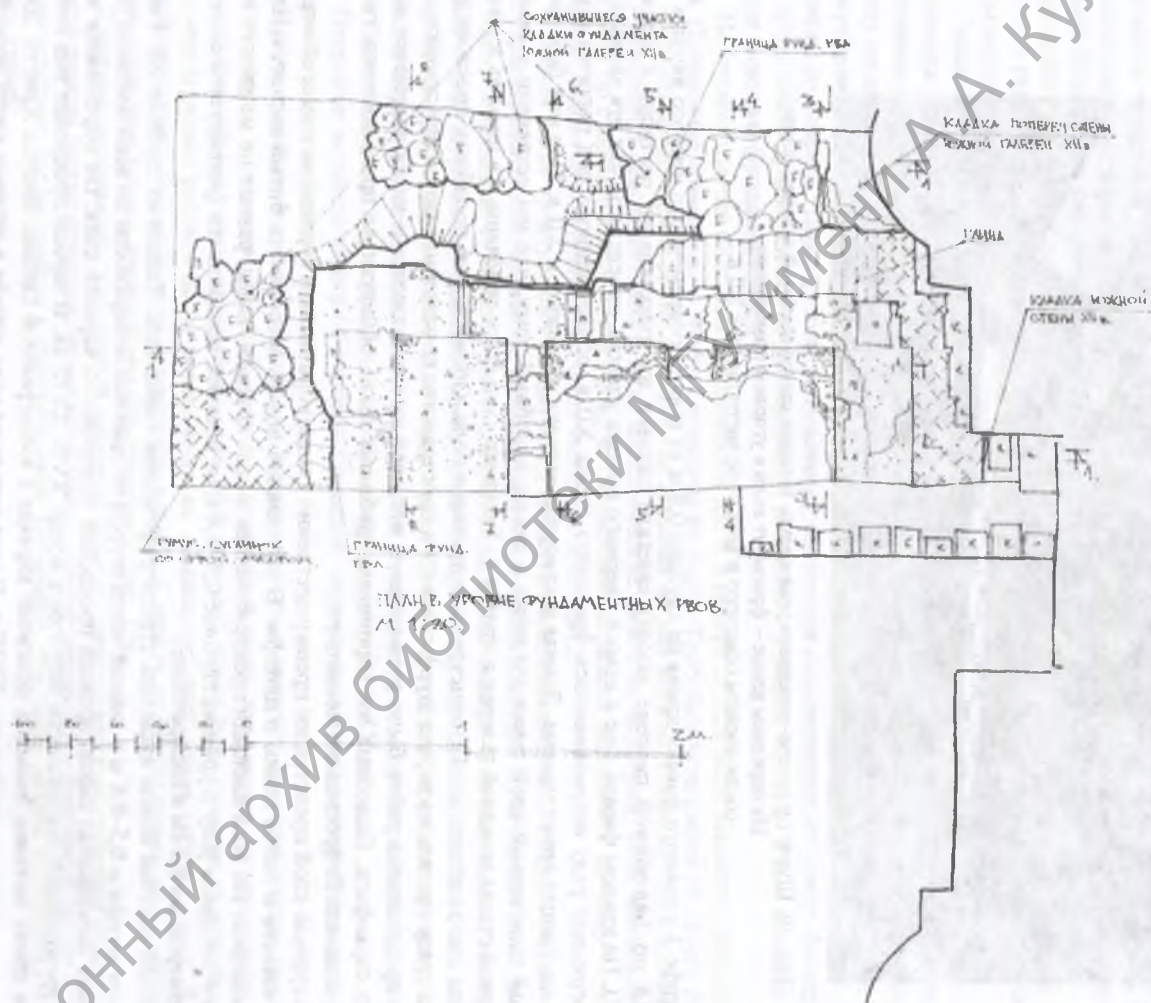

Рис. 11. Шурф 3 у южного фасада церкви Спаса. План

Рис. 12. Шурф 3 у южнага фасада царквы Спаса. Вид с юга

Лучше всего эта стена сохранилась около фасада храма. Здесь она состоит из 10 рядов плинфы. На расстоянии 0,66 м ее кладка обрывается и дальше стену можно проследить только по остаткам фундамента (рис. 13). Однако фундамент тоже сохранился частично. Поэтому окончание данной стены можно было проследить только по фундаментному рву. Несомненно, что эта стена относилась к южной галерее храма. К сожалению, место примыкания данной кладки к храму не было доступно для изучения, т.к. нижние части южной стены храма были переложены и облицованы новым кирпичом в XVIII в., и стык древних кладок оказался закрыт.

На расстоянии 3 м от современного южного фасада храма фундаментный ров стены, перпендикулярной южному фасаду храма, соединяется с рвом фундамента южной стены галереи. От конструкций данной стены сохранился лишь небольшой фрагмент фундамента.

К сожалению, определить ширину фундаментных рвов обеих стен оказалось невозможным. Края рвов выходили за пределы шурфа, а его глубина не позволяла увеличить его площадь – это могло угрожать состоянию древней постройки. Также не удалось определить конструктивную роль поперечной стены, т.е. выяснить – является ли она западной фасадной или только промежуточной стеной в интерьере. Найти угол галереи или продолжение ее южной стены в западном направлении мешало погребение, расположенное на месте соединения стен.

Фундамент стен южной галереи был сложен из булыжника насухо и опирался на материк – коричневый суглинок.

Кладка поперечной стены галереи состояла из плинфы на известково-песчаном растворе с цемянкой. Стена возведена в технике «со скрытым рядом». Раствор, использованный в кладке, имеет светло-желтый цвет и содержит большое количество цемянки.

С южной стороны поперечной стены галереи (на месте обрубленной части, в углублении фундамента) были найдены две целые актовые печати, которые датируются XII в. (рис. 16:5, 16:6). Одна печать имеет круглую форму, ее размеры: высота 2,4 см, ширина 2,5 см. С одной стороны размещается изображение Иисуса Христа, который в иконографии имеет название «Спас Вседержитель». Изображение обведено круглой линией по контуру. На другой стороне размещена надпись в 4 строчки: +Гди полмози ра||бе своеи // Офроси||ниі – «Господе, помоги рабе свайе Офросинни». Она, как и изображение,

обрисована кругом по контуру [9, с. 15]. Другая печать – меншого размера. Она была найдена немного ниже первой, во вторичном заполнении фундаментного рва. На одной стороне – погрудное изображение святого, на другой – рисунок не читается. Возможно, что в засыпку фундаментного рва, который производился иезуитами, попал мусор из церкви, в котором находились упомянутые печати.

Рис. 13. Шурф 3 у южного фасада церкви Спаса. Вид с востока

В центре шурфа, как уже отмечалось выше, была зачищена кладка из плинфы, представляющая собой западную часть плинфяного саркофага. Он состоял из трех камер. Погребения внутри были разрушены. В заполнении камер были найдены фрагменты нескольких костяков, лежащих вперемешку со строительным мусором и обломками перекрытия.

Культурный слой шурфа 3 сильно поврежден поздними погребениями. В некоторых местах прослеживаются следы ям от погребений. В шурфе выявлены шесть погребений, которые были зафиксированы в контексте, а также в культурном слое найдено большое количество человеческих костей, в т.ч. и целые человеческие черепа. Но данные фрагментарные кости нельзя отнести к каким-либо нетронутым погребениям, все они переотложенные. Одно из погребений было устроено на стене саркофага, таким образом частично повредив его и тем самым разрушив верхнюю часть западной стены. Три погребения (вскрыты частично) были устроены на глубине 1,4–1,5 м от дневной поверхности. Они прорезают фундаментный ров и остатки фундаментов. Очевидно, что большинство этих погребений имеют позднее происхождение и относятся к периоду деятельности иезуитов в монастыре либо к XIX в.

Общая ширина сооружения по направлению север-юг – 2,68 м (внешний размер) и 2,04 м (внутренний размер). Ширина северной камеры (внутренний размер) – 0,54 м, ширина центральной камеры – 0,56 м, южной – 0,52 м.

Промежуток между северной стеной саркофага и южной стеной храма было заполнено светло-коричневым суглинком с песком, т.е. такой же засыпкой, что использовалась при сооружении древних полов.

В стенах саркофага была использована плинфа шириной 18–19 см. Плинфы ориентированы в кладке ложковой стороной к поверхности. Раствор в кладке – светло-желтого цвета с большим содержанием цемьянки и не отличается от кладочного раствора стен храма. Внутри камер стены покрыты слоем более светлого цемьяночного раствора с более мелким заполнителем по цвету и составу, близкому грунту фресок. Поверхность раствора тщательно залощена, но никаких изображений на ней обнаружено не было. Только на плоскости северной стены северной камеры были замечены отдельные капли охры. Возможно, что краска попала внутрь камеры во время росписи интерьера галереи. Стены саркофага – очень тонкие, их ширина складывается из ширины плинфы и толщины слоя раствора и составляет 18–24 см. Северная и южная стены несколько толще – до 32 см. Важно отметить, что кладка велась без скрытых рядов плинфы, что можно видеть в местах повреждения стен. Такая техника необычна для полоцкого зодчества, но, возможно, применение здесь равнослойной кладки связано с тем, что мастера не считали необходимым следовать технологии строительства зданий при возведении погребального сооружения, скрытого под полом галереи.

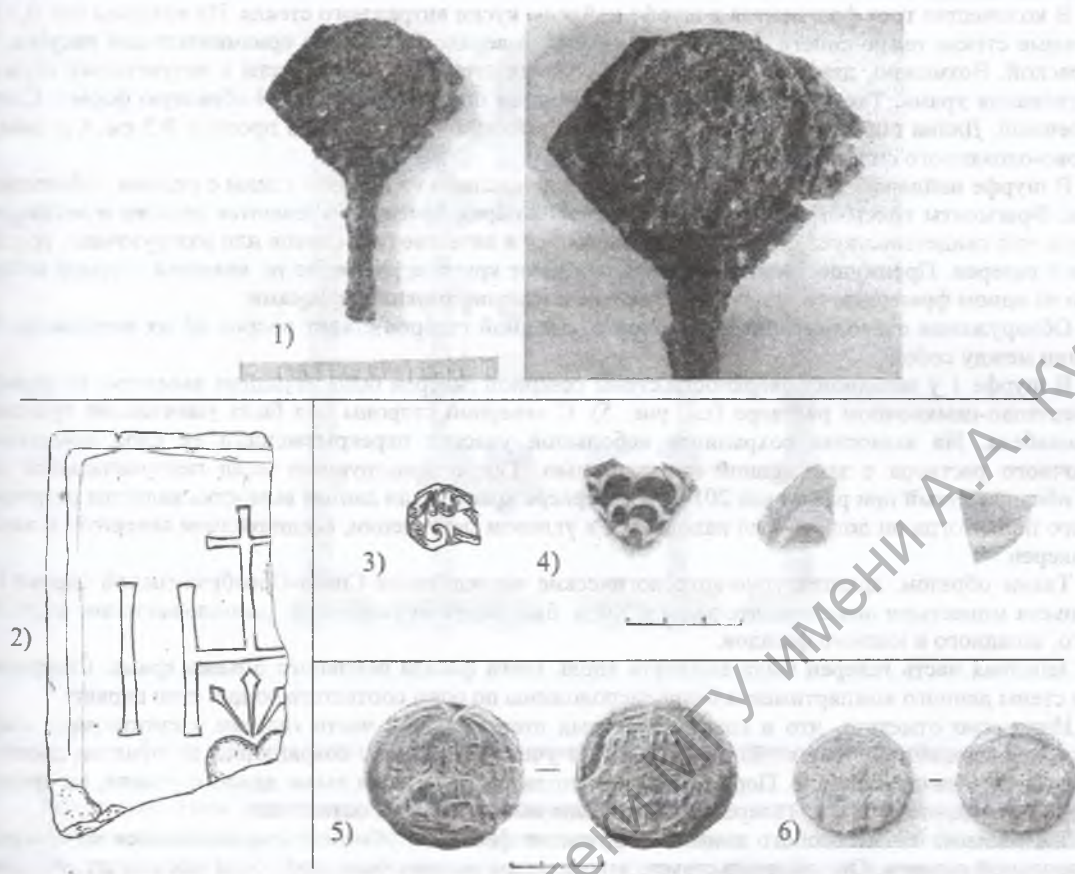

Рис. 16. Археалагічныя знаходкі з шурфа 3:

- 1 – іконка з выяўленнем святога; 2 – ізрэзек з монограммай Ордена Ісуса Хрыста;
 3 – фрагмент меднага ўкраснення; 4 – фрагменты шклянога посуду; 5 – пячатка прэпадобнай Евфросініі;
 6 – неопрэделенная актывая пячатка

Пол камер прадставляў сабой моцную залівку растваром талшчынай да 0,10 м. Стены і полы саркофагаў не мелі фундамента і апіраліся на матэрыковы калічневый суглінок.

В заліпенні саркофагаў абнарыжэн культаурны слой тэмна-карычневага колера з мелкімі вкравленямі бітай плінфы і ізвестковай крошкі. В ніжняй часткі двух разрушаных саркофагаў – культаурны слой тэмна-карычневага колера з вкравленямі бітай плінфы і ізвесткі, но бале рыхлы, сустрачаюцца западыны, пустоты. В сярэдніх і ніжніх слоях пагребальных камер прысутствуе бале шмат крупных кускоў плінфы, сустрачаюцца цэлыя экзэмпляры, некаторыя со слоямі раствара. Таксама в заліпенні саркофагаў прысутствуюць балешы кускі ізвестковага раствара, некаторыя з заглаженнай паверхняй, і многа ізвестковага раствара з фрагментамі фрэскавай роспісы. Сярод знаходак в заліпенні пагребальных камер прысутствуе адін фрагмент кірлічкі, котры датуецца XVIII в.

В заліпенні саркофагаў шурфа 3 знайдены фрагменты шклянога посуду в колічэствэ 10 штук (см. рыс. 16:4). Сосуд зделан із сіняга шкляна з балеым рысунком (возможна, в віде цветочнага арнаменту). Толшыня стенок посуду да 0,1 см. Даньні сосуд можна апрэделіць как пагребальны інвентарь, датіровка – XII в.

Фрагмент ўкраснення (шырына – 1,6 см, толшыня – 0,02 см, дына сахранівшейся часткі – 2 см) вышполнен в тэхніке тиснення на пластіне із сплава на аснове меді. Ізображэнне прадставлена в віде распітэльнага арнаменту (см. рыс. 16:3). Вероятна, што фрагмент ўкраснення являецца часткай пагребальнага інвентаря.

Із заліпення саркофага прыходзіць іконка з выяўленнем святога (см. рыс. 16:1). Аснова іконкі зделана із жалеза в віде ромбаобразнай пластіны, к аднаму углу котрой прыкруплена жалезная ручка (в сеченні акруглой формы). Дына сторон ромба 6 см. На ліцевую паверхню прыкруплена тонкая акруглая пластіна із меднага сплава. На ней праслежываецца нечэткое (по прычыне карозіі) пагруднае ізображэнне святога. Дыаметр акруглой пластіны 5 см. Вероятнае вшего, што данная іконка могла прыходзіць із пэрваначальнага пагребення в саркофаге і датуецца XII в.

В количестве трех фрагментов в шурфе найдены куски витражного стекла. Их толщина 0,4–0,5 см. Витражные стекла темно-синего цвета. На внешнейю поверхность нанесен орнаментальный рисунок белой краской. Возможно, данные фрагменты витражных стекол можно отнести к иезуитскому периоду существования храма. Также выявлен фрагмент оконной оправы. Он имеет Н-образную форму. Слегка оплавленный. Длина оправы 3,2 см, ширина 0,3 см, высота 0,8 см. Ширина проемов 0,5 см. Сделана из свинцово-оловянного сплава.

В шурфе найдено 7 фрагментов амфор. Все они сделаны из красной глины с редким добавлением дресвы. Фрагменты толстостенные – 0,7–1,3 см. На четырех фрагментах имеются остатки известкового раствора, что свидетельствует об использовании амфор в качестве голосников или разгрузочных сосудов в южной галерее. Преимущественно все амфоры имеют крупное рифление по внешней стороне стенки. Только на одном фрагменте зафиксировано мелкое рифление тонкими полосами.

Обнаружение следов северной и южной и западной галереи ставит вопрос об их возможном соединении между собой.

В шурфе 1 у западной поверхности стены северной галереи была зачищена вымостка из плинфы на известково-цемяночном растворе (см. рис. 5). С северной стороны она была уничтожена траншеей электрокабеля. На вымостке сохранился небольшой участок перекрывающего ее слоя известково-цемяночного раствора с залощенной поверхностью. Такую конструкцию имел первоначальный пол XII в., обнаруженный при раскопках 2015 г в интерьере храма. Если данная вымостка является остатками древнего пола, тогда он должен был находиться в угловом помещении, соединяющем северную и западную галереи.

Таким образом, архитектурно-археологические исследования Спасо-Преображенской церкви Евфросиньева монастыря показали, что храм в XII в. был окружен галереями, расположенными вдоль северного, западного и южного фасадов.

Западная часть галереи была вытянута вдоль всего фасада основного объема храма. Северная и южная стены данного компартимента были расположены по осям соответствующих стен церкви.

Интересно отметить, что в кладках боковых стен западной части галереи отсутствовали следы проемов в соседние помещения. Конечно, следует учесть, что стены сохранились до отметки древнего пола или лишь немногим выше. Пороги проемов могли располагаться выше данного уровня, но существует вероятность, что западная галерея все-таки была изолирована от остальных.

Заслуживает также особого внимания фрагмент фасадной обмазки, сохранившийся на северной стене западной галереи. Он свидетельствует, что западная галерея была построена как самостоятельный объем, а соседнее помещение было к нему пристроено. Однако последовательное возведение разных частей галереи могло происходить в рамках одного архитектурного замысла и без длительных перерывов. Практика средневекового строительства знает много таких примеров. Последовательно, но в рамках одного строительного процесса, происходило возведение разных частей Десятинной церкви в Киеве или ансамбля княжеского дворца в Боголюбове. При этом в последнем случае отдельные объемы построек получали фасадную отделку.

Существование северной галереи пока подтверждается только небольшим отрезком кладки, настолько коротким, что не совсем ясно – является ли он частью сплошной стены или мощной лопаткой, поддерживающей перекрытие пристройки.

Пока не удалось установить, является ли помещение, соединяющее северную и западную галереи, самостоятельным объемом или частью северной пристройки. Мы также не знаем, как выглядел его план.

Южная галерея также исследована только на небольшом участке. Пока нет полных данных для утверждения, что она продолжалась до соединения с западным отрезком галереи.

Неизвестно также, чем заканчивались восточные стороны северной и южной галереи. Здесь могли располагаться прямые стены, апсиды и даже небольшие капеллы, как мы видим на примере храма-сыпальницы Евфросиньева монастыря.

Все эти вопросы пока еще ждут своего разрешения при возможном продолжении исследований. Однако даже сведения, которыми мы располагаем в настоящий момент, позволяют предложить предварительную реконструкцию плана церкви Спаса Евфросиньева монастыря с галереями (рис. 14).

Для объемной реконструкции всего комплекса информации пока недостаточно. Мы не имеем данных о высоте галерей. Не исключено, что фресковая роспись, найденная в зондажах на южном фасаде (произведены В.В. Ракицким в 2012 г.), находилась внутри южной пристройки. Тогда перекрытие должно было находиться не ниже середины фасада. Однако подтвердить это предположение сможет только освобождение стены от поздней штукатурки.

Особое значение имеет вопрос об одновременности строительства галерей и основного объема церкви. Насколько эти пристройки соответствуют первоначальному замыслу зодчего?

Выше мы уже упоминали о существовании шва между западным фасадом церкви и северной стеной западной галереи. Однако отсутствие перевязки не может быть доказательством асинхронности строительства. Такой же вертикальный шов был замечен между апсидой и восточным фасадом Спасского храма в шурфе 2, заложенном для изучения конструкции фундамента храма.

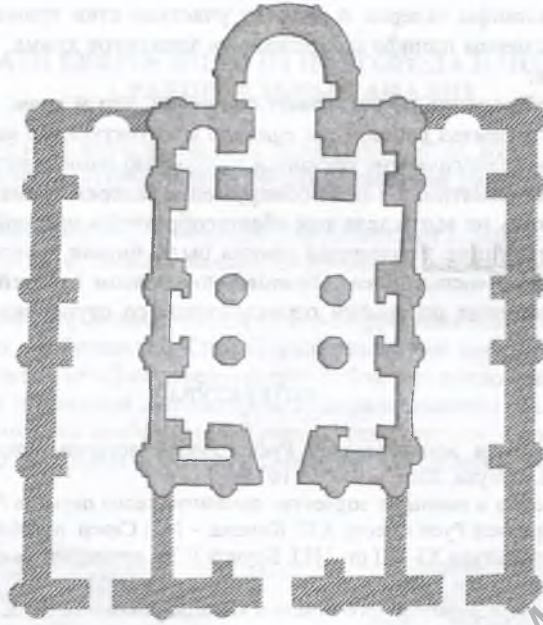

Рис.14. Церковь Спаса Евфросиньева монастыря. Реконструкция плана с галереями

Доказательством одновременного возведения галереи и храма могут служить соответствие строительнотехнические особенностей галереи и других частей постройки.

Как показал шурф 1, фундамент под центральным объемом храма был сложен насухо из валунов, т.е. в той же технике, что и основание галереи (рис. 15). Следует также отметить, что фундаменты галереи и храма заложены с одного уровня. Стены храма и галерей возведены в технике «со скрытым рядом», при этом совпадают толщина и приемы обработки растворяемых швов. Совпадают ряды кладки двух частей постройки.

Рис. 15. Шурф 2 у северного отрезка восточного фасада. Вид с востока. Вскрытый участок восточного фасада, фрагмент разобранной лопатки с полуколонной, шурф-зондаж для изучения фундамента храма (фундамент вскрыт до подошвы). Слева – участок отмостки XII в.

Различаются формат плинфы галереи и нижних участков стен храма. В стенах галереи плинфа меньше, но она близка по размерам плинфе завершающих элементов храма. При этом все плинфы изготовлены по одной технологии.

Приведенные выше наблюдения не оставляют сомнения, что и храм, и окружающие его галереи строились одними мастерами в рамках реализации единого архитектурного замысла.

Новые архитектурно-археологические раскопки полностью изменили представления об объемно-пространственной композиции памятника. После обнаружения галерей храма стало понятным, что в действительности Спасская церковь не выглядела той «башнеобразной» постройкой, какой она изображена на всех графических реконструкциях. Пропорции здания были иными и скорее приближались к «пирамидальным», учитывая широкое «основание», образованное поясом галерей. В этом отношении общее объемно-пространственное решение постройки перекликается со ступенчато-повышающейся композицией завершения храма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. / Л.В. Алексеев. – Кн. 2. – М.: Наука, 2006. – 2006. – 167 с.
2. Булкин, В.А. Софийский собор и полоцкое зодчество домонгольского периода / В.А. Булкин // ΣΟΦΙΑ. Сб. ст. по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча. – М.: Север. паломник, 2006. – С. 89–100.
3. Бруноў, Н.І. Беларуская архітэктура XI–XII ст. / Н.І. Бруноў // 36. артыкулаў Ін-та беларус. культуры. – Менск, 1928. – С. 267–307.
4. Брунов, Н.И. Извлечение из предварительного отчета о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск в сентябре 1923 года. – М., 1926.
5. Брунов, Н.И. К вопросу о некоторых связях русской архитектуры с зодчеством южных славян / Н.И. Брунов // Архитектур. наследство. – М., 1952. – № 2. – С. 3–42.
6. Воронин, Н.Н. «Слово о полку Игореве и русское искусство XII–XIII вв. / Н.Н. Воронин // Слово о полку Игореве. – М.–Л., 1950. – С. 320–351.
7. Воронин, Н.Н. У истоков русского национального зодчества (из истории зодчества периода феодальной раздробленности XI–XV вв.) / Н.Н. Воронин // Ежегодник Ин-та истории искусств АН СССР. – М., 1952.
8. Дук, Д.У. Справаздача аб археалагічных раскопках і наглядзе ў горадзе Полацку ў 2005 годзе // Архіў Ін-та гісторыі Нац. акад. навук Беларусі. Вопіс 1. – № 2284.
9. Дук, Д.У. Пячатка Еўфрасіні Полацкай / Д.У. Дук, І.І. Калечыц, А.І. Коц // Беларус. гістар. часопіс. – 2015. – № 7. – С. 13–18.
10. Книга степенная царского родословия. Ч. 1. ПСРЛ. Т. 21. Первая половина. – СПб., 1908. – С. 206–220.
11. Ракицкий, В.В. Мера, мерки и обмеры Спасской церкви XII века в Полоцке / В.В. Ракицкий // История и археология Полоцка и Полоцкой земли: материалы VI Междунар. конф., 1–3 ноября 2012 г. В 2 ч. Ч. 2. Спасо-Преображенская церковь в Полоцке. – Полоцк: Полоцк. кн. изд-во, 2013. – С. 36–47.
12. Раппопорт, П.А. Полоцкое зодчество XII века / П.А. Раппопорт // СА. – 1980. – № 3. – С. 142–161.
13. Раппопорт, П.А. Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков / П.А. Раппопорт // Древнерус. искусство. Проблемы и атрибуция. – М., 1977. – С. 12–29.
14. Раппопорт, П.А. Спасская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке / П.А. Раппопорт, Г.М. Штендер // Памятники культуры. Новые открытия. 1979. – Л., 1980. – С. 459–468.
15. Сарабянов, В.Д. Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке / В.Д. Сарабянов. – М.: Север. паломник, 2009. – 228 с.
16. Сарабянов, В.Д. Храм-реликварий преподобной Евфросиньи Полоцкой. К реконструкции первоначального замысла Спасской церкви Евфросиньева монастыря. / В.Д. Сарабянов // История и археология Полоцка и Полоцкой земли: материалы VI Междунар. конф., 1–3 ноября 2012 г. В 2 ч. Ч. 2. Спасо-Преображенская церковь в Полоцке. – Полоцк: Полоцк. кн. изд-во, 2013. – С. 48–64.

THE GALLERY OF TRANSFIGURATION CHURCH OF MONASTERY OF EUPHROSINE IN POLOTSK (PRELIMINARY RESULTS OF THE ARCHITECTURAL AND ARCHAEOLOGICAL RESEARCH)

E. TORSHIN, D. DUK, O. IOANNISYAN, P. ZYKOV, A. KOTS

Church of the Saviour in Polotsk is well-known for researchers of medieval architecture. The small temple, situated in the old country the monastery, was founded by St. Euphrosine and was built by her order. Over the many centuries of its history the church was exposed to repair. Although researchers of the Church of the Saviour have noted special importance of this monument to the history of the whole of ancient architecture, the study of the temple was carried out at long intervals. Architectural and archaeological research of the Church of the Saviour in Polots were held in May and September 2015

Keywords: Polotsk, Transfiguration Church, Monastery of St. Euphrosine, gallery, architectural and archaeological research.